

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 185-191, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(100) «1939145»

Gender Aspect of Soviet Citizens' Labour use on the Territory of the Third Reich During the World War II

Natalia A. Garazha

Novorossiysk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

PhD, Associate Professor

353907, Krasnodar region, Novorossiysk, Pionerskay str., 19/40

E-mail: ngarazha@yandex.ru

Abstract

This article is an attempt to consider the issues of the use of eastern worker's labour in the Third Reich during the World War II from the point of view of historical category of gender. The represented category is considered as social and cultural manifestations of gender in the conditions of captivity, transformation of sexuality and representation of gender system in the specific conditions of camp life and coercion and etc.

Keywords: gender; gender history; eastern workers; Ostarbaiter; prisoners of the war; World War II; the Krasnodar region; the Third Reich.

Введение

Гендерные отношения, как одни из важнейших аспектов социальной организации, особым образом выражают ее системные характеристики и структурируют отношения между индивидами (в том числе и внутригрупповые), осознающими свою гендерную принадлежность в специфическом культурно-историческом контексте. Исходя из этого особый акцент в исследовании был сделан на анализе выстраивания межполовых отношений в условиях неволи – комфортных/дискомфортных, сохранения/утраты своей гендерной идентичности, формирования отношения к мужчине/женщине под воздействием фактора пропаганды и условий подневольного быта и труда.

Материалы и методы

В статье был использован значительный круг источников личного происхождения, зафиксировавших характер гендерного взаимодействия или восприятия окружающей действительности, как в момент происходящего (письма), так и постфактум (воспоминания).

Центральным звеном в исследовании выступает «диалогическая» история гендерных отношений, т.е. история властных взаимозависимостей, взаимосвязей и иерархий между мужчинами и женщинами, мужчинами и мужчинами, женщинами и женщинами, конституирующими элементы социальной иерархии и системы распределения власти, престижа и собственности в специфических условиях подневольного труда, бесправного положения в концентрационном лагере, взаимодействия с автохтонным населением, выступающим в образе эксплуататора, врага, и с сотоварищами, выбирающими различные стратегии выживания в предлагаемых условиях.

Обсуждение

Первоначально подпитку промышленности рабочей силой в годы Второй мировой войны Германия осуществляла за счет мобилизации женщин и инвалидов на производство. Й. Геббельс писал в своем дневнике 4 апреля 1941 года: «...Для женщин должна быть введена трудовая повинность. Иначе мы не справимся с этой проблемой. Утонченные барышни и по призыву фюрера не пойдут на фабрики...» [9, с. 207].

Так, к середине 1944 года женщины в Третьем рейхе составляли 51 % всей местной рабочей силы, тогда как в Великобритании – только 37,9 %, а в США – 37,5 % [30, с. 118]. Эти цифры стали прямым результатом введения «обязательного года» трудовой повинности для «незамужней женской рабочей силы» от 18 до 25 лет и привлечения женщин на производство в порядке мобилизации, а также увеличения продолжительности рабочего дня с августа 1939 года для женщин до 10 часов.

В целом, немецкая женщина была ориентирована на иные ценности, которые НСДАП активно в ней культивировала. Й. Геббельс в присущей ему несколько экзальтированной манере сравнивал женщину с птицей, которая «прихорашивается ради самца и несет для него яйца» [17, с. 77], а А. Гитлер отчетливо указывал на то, что «у женщины есть собственное поле боя. Произведя на свет ребенка, она ведет битву за всю нацию» [21, с. 76]. При этом каждый делал оговорку, что власти не чинят никаких препятствий для профессиональной, социальной активности женщин, с одним исключением – не в ущерб интересам семьи.

Т.Ю. Тимофеева отмечает, что именно «материальные соображения наряду с пустившим определенными корнями национал-патриотическим воспитанием» способствовали лояльности самих женщин [29, с. 49]. И это естественно в ситуации, когда подавляющему большинству женщин пришлось заменить отцов и мужей в повседневной ответственности перед семьей.

А. Людтке идентифицировал этот процесс как значительное усиление мобилизации сверху «самомобилизацией». А ее следствием стало высокомерие, а то и беспощадность к подневольным рабочим [24, с. 71].

Справедливым на наш взгляд является то, что отношение немецкой женщины к происходящим в Германии событиям было столь же различным как многолика сама женщина, как многообразны ее характеры, темперамент, модели поведения и т.д., обусловленные воспитанием и уровнем образования, той социокультурной средой, в которой она выросла и созрела как личность, но также и особенностями восприятия и усвоения пропагандистских посылов, индивидуальными психологическими характеристиками адаптации или же сопротивления условиям, диктуемым извне. Поэтому и примеров отношения к остарбайтерам – женщинам, мужчинам, детям со стороны немок множество, иногда похожих, иногда диаметрально противоположных: исключительных в своей циничности, жестокости или, наоборот, доброте и человеколюбии.

Бывший советский военнопленный Дмитрий Чиров вспоминал, что в смущение его привели «не овчарки, а немецкие старухи», которые приветствовали друг друга «бодрыми возгласами «Хайль Гитлер!»», а в сторону военнопленных смотрели с нескрываемым презрением [31, с. 84-85].

В письмах на фронт некоторые немки, флиртуя, спрашивали: так же русские жизнерадостны и предприимчивы [3, л. 48], беспокоились, что во Франции больше нравилось, чем у русских [3, л. 52], но также активно обсуждали использование труда советских военнопленных и гражданских лиц. Таких циничных, жестоких, безнравственных свидетельств множество и они схожи в настроении и терминологии. Например, типичны негодующие письма жены и сестры солдата Карла Бишопа о несправедливом распределении работниц, с использованием такой лексики как «плохая партия», «девки», «штук» [26, с. 20, 24].

А вот еще одно из неслучайных совпадений. Жена унтер-офицера И. Веккерта писала мужу: «я купила на присланные тобой 60 марок четырех русских» [16, с. 9], а советская девушка Н. Степаненко в своем письме домой: «... одна [фрау] в один день сделала две покупки: купила меня и купила картину» [27, с. 36].

Риторика писем еще и еще раз доказывает и показывает очевидность объективной картины насилия над гуманностью и человечностью, бытовавших в Германии в отношении остарбайтеров и советских военнопленных, даже без ссылок на официальную документацию Третьего рейха, которая также была предельно откровенна.

Многие пленные и остарбайтеры задавались вполне естественным вопросом и часто не находили на него разумного ответа: как возможно, чтобы гражданское население испытывало такую активную неприязнь к ним, более того, считало своим долгом демонстративно проявлять жестокость и не милосердие?

«...При приближении к поселку женщины хватают детей, убегают по домам. Почему? По нашему твердому убеждению, прячутся немцы от стыда. Идет мимо них колонна женщин в рабских колодках, уставшие в обтрепанной одежде, выполняющие их работу. Может, правда, им стыдно?», - писала Р. Солоухина-Заседателева [28, с. 128-129].

Часть исследователей – К. Кунц, А. Кун – принципиально утверждает, что немецкие женщины в той же мере несли политическую ответственность за преступления национал-социалистического режима [18, с. 19-24].

С. Штейнбахер отмечает, что в одном только Освенциме сотни женщин неделями каждое воскресенье посещали служивших там мужей-эсэсовцев, а колония немецких переселенцев в строящемся «образцовом городе Аушвиц» постоянно жаловалась на запах, исходивший от перегруженных крематориев [30, с. 145-146].

Репрессивный аппарат нацистской Германии предпринимал адекватные меры и против ослабления доверия к власти и точноно против нарушений принятых правил и установлений, в отношении остарбайтеров в том числе. Стать «политически неблагонадежным» в Третьем рейхе было

просто. Лена Григоляйт (немка, замужем за литовцем) вспоминала, что во всех ситуациях, когда кто-то подозревал ее в нелояльности, она всегда могла сказать: «наша семья отдала за родину двух мужчин» (оба ее брата погибли в России) и эта фраза была чем-то вроде щита [23, с. 51].

Иностранцы составляли к 1944 году 20 % от общей рабочей силы рейха или более 7 миллионов человек [15, с. 365]. Более 50 % восточных рабочих – женщины. Среди других иностранных рабочих женщины занимали около 30 % [18].

Наиболее массовой категорией была возрастная категория от 17 до 21 года. Молодежь и подростки направлялись на работу в пущенные в эксплуатацию предприятия в качестве учеников, из которых в будущем планировалось восполнить отряд квалифицированных рабочих [4].

Вывоз населения целыми семьями применялся в партизанских районах и прифронтовой зоне. Людей расселяли в специализированных «семейных лагерях» и использовали, главным образом, в сельском хозяйстве, которое считалось одним из так называемых «русских производств» [2, л. 34]. Согласно постановлению Заукеля от 26 марта 1944 года из зарплаты восточного рабочего на питание детей до 10 летнего возраста предприниматель в день вычитал не менее 0,50 немецкой марки, а до 14 – 0,75 немецкой марки [14].

По гендерному признаку были разграничены сферы применения труда восточных рабочих:

А) мужские профессии: сельское хозяйство и лесное хозяйство (смешанные с женским), транспорт, ремесла не требующие особой квалификации, промышленность, служащие (смешанные с женским).

Б) женские профессии: сельское, лесное и домашнее хозяйство, ремесла и прочие профессии, служащие [2, л. 3].

Возвращаясь к теме отношения к оstarбайтерам, отметим, что германские власти, фиксируя выраженные семейные чувства и хорошую нравственность [20], не соответствующие контексту предшествующей пропаганды не скрывали факт насилий и глумлений над человеческим достоинством: «Учреждения по борьбе с вшивостью сообщают о следующих неполадках. Часто случается, что в этих заведениях (баних, душевых, санпунктах) обслуживающим персоналом являются мужчины, которые наряду с прочими мужчинами, безобразничают в душевых для женщин и девушек, намыливают их, фотографируют и т.д. В мужских банях, наоборот, работают женщины» [5, л. 415].

Васильева Изольда, угнанная в Германию в марте 1943 г. из Новороссийска в письмах подруге Фросе эмоционально, возможно грубо, но в тоже время повседневно пишет о сложностях сохранения своей чести и достоинства в рабстве: «...Издаются немцы над русскими как только хотят. Недавно один немец оттрахал Нину высокую, ты ее знаешь. Вообще, с каждым днем все хуже...» [8].

В лагерях для контроля над сексуальной жизнью и из опасений вспышек венерических заболеваний были свои публичные дома для охранников – пуфы, в которых находились женщины из числа заключенных. Безусловно, в них отбирали самых красивых, еще не изнуренных тяжелой работой и невыносимыми бытовыми условиями лагеря [26, с. 31]. Многие женщины специально уродовали свою внешность, чтобы избежать пуфа, некоторые же по собственному желанию шли туда [10, с. 99-100].

По данным службы безопасности СС для сексуальных потребностей иностранных рабочих (западных) к концу 1943 г. было открыто 60 борделей с 600 проститутками, которые добровольно прибыли из Франции, Польши и Чешского протектората [32, с. 385].

Для восточных рабочих это было не актуально. Бывший военнопленный Ю.А. Апель удивлялся «зачем женский блок так отгораживать от мужского: ведь доходяги, настоящие хронические доходяги – это человекоподобные существа, в сущности, совершенно бесполое». Он замечал, что в лагере они никогда не говорили о женщинах и не потому что были монахами, а постоянным голодом были доведены до состояния при котором образ женщины не вызывал никаких эмоций [11, с. 131, 142-143].

От последствий сексуальных контактов с врагом: в плену или оккупации, произошедших от насилия, по материальным соображениям или по любви более всего приходилось расплачиваться женщинам. Это и нежелательные беременности, насильственное прерывание беременности, отъем ребенка и, безусловно, послевоенные расправы соотечественников.

В архивах мы находим определенное количество жалоб о насилии над бывшими оstarбайтерами – женщинами и девушками со стороны военнослужащих Красной Армии в фильтрационных лагерях: «врывались, терроризировали, насильствовали, оскорбляли, устраивали пьяные дебоши» [7].

Это также выступало одной из причин уклонения от послевоенной репатриации. Не желающих возвращаться в СССР принимали многие страны Европы, Америки, Австралия. Но каждая страна выдвигала свои условия приема, в том числе гендерно обусловленные. Так, репатриантка А.Н. Сороко хотела уехать в Канаду, но комиссия «забраковала» ее: «... некрасивых сразу отправляют обратно...» [6, л. 148]. Эстонец Калласс Э.К. отмечал, что по условиям эмиграции, выезжающие в Австралию должны быть молодыми, здоровыми и трудоспособными. До июня 1949 года в Австралию принимали только холостых и бездетных, после не более чем с двумя детьми [6, л. 120]. Представитель Чили требовал как обязательные данные рост не менее 170 см [6, л. 98].

Особенно сложным в Германии было положение беременных, матерей и новорожденных. В условиях системы принудительного труда беременность и материнство снижали уровень трудовой эксплуатации женщин из СССР. В первые годы беременные женщины отправлялись обратно на родину, но с 1942 года Ф. Заукель наложил на это запрет.

Восточные работницы были желанной рабочей силой и в сельском хозяйстве и в промышленности Третьего рейха. Они не оказывали сопротивления, были прилежны, управляемы и беззащитны. Еще и поэтому оптимальным вариантом сохранить рабочую силу стал аборт, т.к. абсолютно препятствовать сексуальным отношениям было не реально, а браки в среде остарбайтеров были разрешены. Через 8-10 дней после аборта женщины возвращались на производство. Зачастую это были насильственные аборты, которые нередко сопровождалась стерилизацией.

Этим вопросом занималась консультация по производству абортос местного медицинского пункта, которая свое решение согласовывала с уполномоченным рейхскомиссаром по укреплению германской нации. В случаях, когда речь шла об иностранном (не германском) отце консультации могли распоряжаться сами о производстве такого аборта. Получения согласия старших начальников СС и полиции требовалось в тех случаях, когда речь шла об отце – немце или расово равноценном [5, л. 371].

Если выдавалось заключение, что ребенок может родиться расово «полноценным», то аборт запрещался, а после родов изымался у матери и передавался на воспитание в один из детских домов Национал-социалистического Народного Союза или же в организованных СС детдомах «Lebesborn».

«Неполноценные» дети подлежали переводу в специализированные учреждения. Никто не был заинтересован в жизни и здоровье этих детей. Поэтому условия их содержания были катастрофическими: дефицит питания, медицинского обслуживания. П. Полян отмечает, что по имеющимся данным наличествовало и намеренное убиение младенцев: детей остовок иногда намечали к так называемому «специальному обращению» (Sonderbehandlung), что применительно к евреям, например, всегда означало достаточно четкое понятие – ликвидацию [25, с. 165].

Сами восточные рабочие содержались в Германии в особых лагерях при заводах, либо это были лагеря-распределители, где происходили настоящие торги людьми и откуда рабочих покупатели увозили к себе на предприятия или домой. В.Н. Земсков приводит данные, что 40 % остарбайтеров содержалось в лагерях, а 60 % – по месту жительства хозяев [19, с. 40].

Неуместность нахождения женщин в лагерях вызывала у многих закономерный вопрос, вопрос-восклицание: «...почему же мы, женщины, в лагере для пленных? Нас, русских женщин, взяли в плен?» [28, с. 96].

Одной из мер устрашения в лагерях были публичные казни сопротивлявшихся охранникам, отказывающихся работать или уже совершенно истощенных узников. При неудовлетворительном питании заключенные вынуждены были выполнять непосильно тяжелую работу. Обычно рабочий день начинался в 6 утра и длился до 6-7 часов вечера с перерывом на 30 минут на обед. Рабский труд выводил из строя даже физически сильных и выносливых людей. И это при стандарте питания: завтрак – кофе, обед – 0,5 л супа из брюквы, ужин – кофе, 300 гр. хлеба, в 1944 г. – 200 гр. [1].

Наиболее выраженный характер тенденция к стиранию женственности, мужественности приобрела в концлагерях, которые стали местом формирования стереотипных представлений, как о сверхчеловеке, так и недочеловеке.

Лагерь не представлял собой единый организм, он был скорее пестрой мозаикой групп – этнических, религиозных, профессиональных, преступных. Каждая группа в свою очередь имела иерархию: элита, ядро и периферия.

Сохранение гендерной идентичности узниц и узников было очень важно в системе создания бесполого, покорного раба, это был своеобразный протест, вызов.

Добывание на «черном рынке» белья и косметики было стремлением хоть каким-то образом восстановить свой довоенный привычный облик; лесбийские отношения были попыткой восстановления чувства женственности; переписка, попытки установить отношения с мужчинами – это не что иное, как стремление получить поддержку.

Г. Моррисон верно замечает, что специфика пола оказывала бесспорное влияние на выбор стратегии выживания. Опыт ведения домашнего хозяйства до войны дал женщинам знания о том, как лучше экономить и распределить пищу, как следить за чистотой своей одежды и т.д., то есть навыки, ставшие особенно необходимыми в экстремальных условиях. С другой стороны, менструация, беременность и другие особенности женского организма делали их более чувствительными к пребыванию в неволе [12, с. 28-30].

Вл. Тутов, вспоминая свое пребывание в плену, описывает целый комплекс ухищрений, помогавших ему адаптироваться и выжить в нечеловеческих условиях: от аутотренинга (ежедневно по много раз повторял: «я должен жить, я обязан выжить...») до получения дополнительной пайки мастерством татуировки, выбора только выгодных, «хлебных» работ [13, с. 52-53].

Материалы писем и интервью показывают, что у работников принудительного труда, особенно задействованных в сельском хозяйстве, был выходной день и иногда они нелегально в вечернее время собирались на посиделки. Здесь знакомились, обменивались адресами, завязывались дружеские и любовные отношения.

Заключение

На основании проведенного исследования, можем утверждать, что в отношении к остарбайтерам чаще были ситуации презрения, насилия, стремления к максимальной эксплуатации в атмосфере постоянного унижения. И мужчины и женщины испытывали большое физическое и моральное напряжение. Отдушиной могли выступать как отношения – дружеские, романтические, товарищеские, так и собственно работа, увлечения, даже занятия спортом и творчеством. Но главная цель для большинства попавших в неволю, рабство – это было стремление выжить при этом не любой ценой, а сохранить себя, свою личность, честь, достоинство и убеждения.

Германское гражданское население в основной своей массе было настроено отрицательно, даже агрессивно по отношению к остарбайтерам. Следуя убеждениям, страху в обвинении в нелояльности режиму, солидарности с массовым поведением они усложняли и без того непростую жизнь советских людей на территории Третьего рейха. Безусловно, были и исключения и их мы также учитывали: в них и таится прорывающаяся на свет историческая справедливость и, конечно же, человечность – основное мерило нашего отношения к каждому гражданину мира.

Примечания:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-7021. Оп. 104. Д. 2 а. Л. 18.
2. ГАРФ. Ф.Р.-7021. Оп. 148. Д. 11. Л. 3, 34.
3. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 61. Л. 48, 52.
4. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 148. Д. 198. Л. 21.
5. ГАРФ. Ф. Р – 7021. Оп. 148. Д. 256. Л. 371, 415.
6. ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 20. Д. 146. Л. 98, 120, 148.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 314. Л. 40, 43.
8. Новороссийский государственный исторический музей-заповедник. НМ – 10045/5
9. Агапов А.Б. Дневники Й. Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». М.: Издательство «Палестин»; Издательско-книготорговый дом «Логос», 2002. 504 с.
10. Анваер С. Кровоточит моя память. Из записок студентки-медички / ред.-сост. Л. Кокин. М.: РОССПЭН, 2005. 208 с.
11. Апель Ю. Доходяга. Воспоминания бывшего пехотинца и военнопленного (сентябрь 1943 – февраль 1945). М.: РОССПЭН, 2009. 256 с.
12. Аристов С.В. К вопросу о стратегиях выживания узников концентрационных лагерей (на примере нацистского женского лагеря Равенсбрюк) // Личный опыт в жизни и памяти русских и немцев – возможности и пределы совместных воспоминаний: материалы конференции, воспоминания, интервью. Воронеж: ВГПУ, 2010. С. 22-31.
13. Беглецы из плена: Воспоминания танкиста и морского артиллериста / В.С. Тутов, А.С. Малофеев. М.: РОССПЭН, 2010. 304 с.
14. Белорусские остарбайтеры: ист.-аналит. исслед. / Под ред. Г.Д. Кнатько. Мн.: НАРБ, 2001. 336 с.
15. Булок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание: в 2-х тт. Смоленск: Русич, 1998.
16. В немецком рабстве. М., 1943. 32 с.
17. Геббельс Й. Михель: Судьба немцев в дневниковых записях // Моссе, Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма / пер. с англ. Ю.Д. Чупрова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. 446 с.
18. Ермаков А.М. Антисемитская пропаганда в национал-социалистической женской организации // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2010. № 5. С. 19-24.
19. Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944-1951 годы // История СССР. 1990. № 4. С. 26-41.
20. Из аналитической записки, направленной местным отделением СС и СД. Берлин, 17.08.1942 г. [Электрон. ресурс] / Режим доступа: <http://bey.livejournal.com/171717.html>
21. Из выступления А. Гитлера на национал-социалистском женском конгрессе // Моссе, Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма / пер. с англ. Ю.Д. Чупрова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. 446 с.
22. Из обзора генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Заукеля об использовании рабочих из оккупированных областей по состоянию на 30 ноября 1942 г. [Электрон. ресурс] / Режим доступа: <http://wolfschanze.narod.ru/prest/4.htm>
23. Лахауэр У. Райская улица. Воспоминания Лены Григоляйт, крестьянки из Восточной Пруссии. М.: «Текст», Журнал «Дружба народов», 2003. 159 с.
24. Людтке А. Истории повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с.
25. Полян П. Остарбайтеры // Звезда. 2005. № 6. С. 159-168.
26. Севостьянова Т.В. На немецкой каторге (о жизни советских людей, увезенных немцами в Германию). Воронеж: Воронежское областное книгоиздательство, 1943. 50 с.

27. Советские люди на немецкой каторге. М.: Госполитиздат, 1943. 51 с.
28. Солоухина-Заседателева Р. На задворках Победы; Карпов Н. Маленький Ostarbaiter. М.: РОССПЭН, 2008. 272 с.
29. Тимофеева Т.Ю. «Мы жили обычной жизнью?» Семья в Берлине в 30-40-е гг. XX века. М.: РОССПЭН, 2011. 182 с.
30. Фрай Н. Государство фюрера: Национал-социалисты у власти: Германия, 1939-1945. М.: РОССПЭН; ГИИМ, 2009. 255 с.
31. Чиров Д. Среди без вести пропавших: Воспоминания советского военнопленного о шталаге XVII «Б» Кремс-Гнайксендорф: 1941-1945 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 367 с.
32. Эванс Р. Третий рейх. Дни войны. 1939-1945. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2011. 942 с.

References:

1. State Archives of the Russian Federation (SARF) [Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F.R-7021. Op. 104. D. 2 a. L. 18.] F.R-7021. Op. 104. D. 2 a. P. 18.]
2. SARF [GARF. F.R.-7021. Op. 148. D. 11. L. 3, 34.] F.R.-7021. Op. 148. D. 11. P. 3, 34.
3. SARF [GARF. F. R-7021. Op. 148. D. 61. L. 48, 52.] F. R-7021. Op. 148. D. 61. P. 48, 52.
4. SARF [GARF. F. R - 7021. Op. 148. D. 198. L. 21.] F. R - 7021. Op. 148. D. 198. P. 21.
5. SARF [GARF. F. R - 7021. Op. 148. D. 256. L. 371, 415.] F. R - 7021. Op. 148. D. 256. P. 371, 415.
6. SARF [GARF. F. 7317. Op. 20. D. 146. L. 98, 120, 148.] F. 7317. Op. 20. D. 146. P. 98, 120, 148.
7. Russian State Archive of Socio-Political History [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). F. 17. Op. 125. D. 314. L. 40, 43.] F. 17. Op. 125. D. 314. P. 40, 43.]
8. Novorossiysk State Historical Museum [Novorossijskij Gosudarstvennyj istoricheskij muzej-zapovednik. NM - 10045/5] NM - 10045/5
9. Agapov A.B J. Goebbels diaries. Prelude "Barbarossa". [Dnevniki J. Gebbel'sa. Preljudija «Barbarossy»]. М.: Publisher «paleotypes»; Publishing and bookselling house «Logos», 2002. 504 p.
10. Anvaer S. Bleeds my memory. From the notes of the student-medichki. [Krovotochit moja pamjat'. Iz zapisok studentki-medichki] М.: ROSSPEN, 2005. 208 p.
11. Apel Y. Memories of former infantryman and a prisoner of war (September 1943 - February 1945). [Dohodjaga. Vospominanija byvshego pehotinca i voennoplennogo (sentjabr' 1943 - fevral' 1945)] М.: ROSSPEN, 2009. 256 p.
12. Aristov S.V. On the question of the survival strategies of concentration camp prisoners (for example, the Nazi women's camp Ravensbrück) [K voprosu o strategijah vyzhivaniya uznikov koncentracionnyh lagerej (na primere nacistского zhenskogo lagerja Ravensbrjuk)] // Personal experience in life and the memory of Russian and German - the possibilities and limits of joint memories: conference materials, memoirs, and interviews. Voronezh: SGMP, 2010. Pp. 22-31.
13. Escapees from captivity: Memories tanker and a sea artellirista / V.S. Tutov, A.S. Malofeev. [Beglecy iz plena: Vospominanija tankista i morskogo artellirista] М.: ROSSPEN, 2010. 304 p.
14. Belarusian Ostarbaiter: Faculty of History and the analyte. issled. / Ed. G.D. Knatko. [Belorusskie ostarbajtery: ist.-analit. issled] Mn.: NARB, 2001. 336 p.
15. Bullock A. Hitler and Stalin: The Life and power. Comparative biography: in 2 vols. [Gitler i Stalin: Zhizn' i vlast'. Sravnitel'noe zhizneopisanie: v 2-h tt.] Smolensk: Rusich, 1998.
16. In the German slavery [V nemeckom rabstve] М., 1943 32 p.
17. Goebbels J. Michael: The fate of the Germans in the diaries [Mihel': Sud'ba nemcev v dnevnikovovyh zapisjah] // Mosse J. Nazism and culture. Ideology and Culture of National Socialism. М.: Company Tsentrpoligraf, 2010. 446 p.
18. Ermakov A.M. Anti-Semitic propaganda in Nazi women's organization [Antisemitskaja propagandа v nacional-socialisticheskoy zhenskoj organizacii] // Herald Northern (Arctic) Federal University. 2010. № 5. P. 19-24.
19. Zemskov V.N. On the question of repatriation of Soviet citizens during 1944-1951 [K voprosu o repatriacii sovetskih grazhdan 1944-1951 gody] // History of the USSR. 1990. № 4. P. 26-41.
20. From an analytical note, directed to local branches of the SS and SD. Berlin, 08.17.1942 [Iz analiticheskoy zapiski, napravlennoj mestnym otdelenijam SS i SD. Berlin, 17.08.1942 g.] Available at: <http://bey.livejournal.com/171717.html>
21. From a speech by Adolf Hitler on National Socialist Women's Congress // [Iz vystuplenija A. Gitlera na nacional-socialistskom zhenskom kongresse] // Mosse J. Nazism and culture. Ideology and Culture of National Socialism. М.: Company Tsentrpoligraf, 2010. 446 p.
22. A review of the Plenipotentiary General for the use of labor Sauckel on the use of workers from the occupied territories as of November 30, 1942 [Iz obzora general'nogo upolnomochennogo po ispol'zovaniju rabochej sily Zaukelja ob ispol'zovanii rabochih iz okkupirovannyh oblastej po sostojaniju na 30 nojabrja 1942 g.] Available at: <http://wolfschanze.narod.ru/prest/4.htm>
23. Lahauer U. Paradise Street. Memories of Lena Grigolyayt, a farmer from East Prussia. [Rajskaja ulica. Vospominanija Leny Grigolajjt, krest'janki iz Vostochnoj Prussii] М.: "Text", Journal of "Friendship of Peoples", 2003. 159 p.

24. Ludtke A. Stories of everyday life in Germany: New Approaches to the Study of Labor, War and power. [Istorii povsednevnosti v Germanii: Novye podhody k izucheniju truda, vojny i vlasti] M.: ROSSPEN, 2010. 271 p.
25. Polian P. Ostarbeiters [Ostarbajtery] // Star. 2005. № 6. P. 159-168.
26. Sevostyanova T.V. At the German prison (about the life of the Soviet people, taken away by the Germans in Germany). [Na nemeckoj katorge (o zhizni sovetskih ljudej, uvezennyh nemcami v Germaniju)] Voronezh: Voronezh Oblasnaya publishing house, 1943. 50 p.
27. The Soviet people in the German prison. [Sovetskie ljudi na nemeckoj katorge] M.: Gospolitizdat, 1943. 51 p.
28. Soloukhina-Zasedateleva R. On the outskirts of Victory; Karpov N. Small Ostarbaiter. [Na zadvorkah Pobedy; Malen'kij Ostarbaiter] M.: ROSSPEN, 2008. 272 p.
29. Timofeeva T. «We lived a normal life?»/ Family in Berlin 30-40 of the twentieth century. [«My zhili obychnoj zhizn'ju?» Sem'ja v Berline v 30-40-e gg. XX veka] M.: ROSSPEN, 2011. 182 p.
30. Fry N. State Fuhrer: The National Socialists in power in Germany, 1939-1945. [Gosudarstvo fjurera: Nacional-socialisty u vlasti: Germanija, 1939-1945] M.: ROSSPEN; GIIM, 2009. 255 p.
31. Chirov D. Among the missing: Memories of Soviet POW Stalag XVII «B» Krems Gnayksendorf: 1941-1945. [Sred' bez vesti propavshih: Vospominaniya sovetskogo voennoplennogo o shtalage XVII «B» Krems-Gnajksendorf: 1941-1945 gg.] M.: ROSSPEN, 2010. 367 p.
32. Evans R. The Third Reich. Days of the war. 1939-1945. [Tretij rejh. Dni vojny. 1939-1945] Ekaterinburg: U-factors; M.: Astrel, 2011. 942 p.

УДК 94(100) «1939-1945»

Гендерный аспект трудоустройства советских граждан на территории Третьего рейха в период Второй мировой войны

Наталья Алексеевна Гаража

Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
Российская Федерация
кандидат исторических наук, доцент
353907, Краснодарский край, г. Новороссийск, ул. Пионерская, 19/40
E-mail: ngarazha@yandex.ru

Аннотация. Данная статья – это попытка рассмотрения вопросов трудоустройства восточных рабочих в Третьем рейхе в период Второй мировой войны с точки зрения исторической категории гендера, с пониманием его в таких вариантах как социально-культурные проявления пола в обстоятельствах неволи, трансформация сексуальности и репрезентация гендерно-половой системы в специфических условиях лагерного быта или принуждения к труду и т.д.

Ключевые слова: гендер; гендерная история; восточные рабочие; остарбайтеры; военнопленные; Вторая мировая война; Краснодарский край; Третий рейх.